

Юрий Панкратов

«Мне хочется снова в соцветья степей...»

Сегодня в нашей традиционной рубрике мы публикуем стихи замечательного русского поэта Юрия Панкратова (1935–2013). Он – наш земляк, родился в г. Семипалатинске, детство и юность прожил в Алма-Ате, здесь окончил строительный техникум, работал на стройках Казахстана и Средней Азии, что отразилось в его первых поэтических опытах. Окончив в Москве Литературный институт им. А. М. Горького, он посвятил себя журнальному и книжному делу, работе с молодыми литераторами.

Юрий Панкратов – один из ярких представителей так называемого поколения «шестидесятников», представленных именами Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадуллиной, Олжаса Сулейменова, Ивана Харабарова. Среди них голос Юрия Панкратова отличался особой лиричностью в сочетании с четкой гражданской позицией, ответственностью перед временем, чувством нравственного закона. Автор сборников поэзии «Светлояр», «Месяц июль», «Лунь-озеро», «Волшебный хлеб», «Светом берез» и др. Выступал со статьями о современной поэзии, с книгами публицистических эссе «О чувстве нового», «Гражданственность – моя держава», «Не в буре дешевых овец». В книге избранного, опубликованной в последние годы, один из разделов – «Казахстанская тетрадь» посвящен родине поэта.

Публикуемые сочинения взяты из сборника «Лунь-озеро» (М.: Современник, 1975).

ПАМЯТЬ

Взошла моя песня в седой тишине,
среди азиатских степей,
где всадник плывет на далеком коне
и машет рукою приветливой мне
из юности ранней моей.

Мне сладко и вольно скакать по степи,
кружащейся что карусель...
А даль – обнимает, а солнце – сплит,
и длинно кричит коростель.

Бегу я сквозь время в зеленый рассвет
за розовой гривой коня.
Но конь улетает за солнцем вослед,
сердитой уздечкой звеня.

Теряется всадник в свирепой траве,
в далеком, как сон, далеке...
И беркут сидит у него на руке,
на ватном глухом рукаве.

Там брюхом, покрашенным в серой золе,
на склоне горбатой горы,
степная лисица прижалась к земле
у влажной мышинной норы.

Уходит охотник с рассветным конем
в края, где цветет молочай,
и красным огнем полыхает на нем
шакалий его малахай...

Мне хочется снова в соцветья степей,
на берег забытой реки,
где память, как беркут, взорлила с моей
еще не окрепшей руки!

ЗДРАВСТВУЙ, АЗИЯ!

В ноздри –
запах акации южной...
Самолетом –
случилась оказия –
я вернулся
в недавнюю юность.

Здравствуй,
Азия!
Полюбил я
резьбу твоих гор,
с рюкзаком
над ущельями лазая.

Не забыл я тебя до сих пор.
Здравствуй,
Азия!

В тех местах,
где верблюд был ведом
сквозь песчаное однообразие, –
современный аэродром.

Это –
Азия!
Черных глаз
молодой виноград,
солнца
яркое крупноглазие,
опалившее
ветренный сад, –

это –
Азия.

Пыль степная,
коварство фаланг,
саксаульных стволов
безобразие,

Куполов темно-синий
фаянс –

это – Азия.
Синь каналов,
дыханье пустынь,
красок щедрое разнообразие,
гром базаров,
рассветная синь –
это –
Азия.
Пусть опять
мои дни озарят
те тропинки, что в юности пройдены.
По рождению я сам –
азиат.
Здравствуй,
родина!

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Целина –
словно белая молния!
Дух дерзания,
дни покорения.

Целина –
моя трудная молодость,
ясный свет
моего поколения!

Ты чиста,
ты светла,
ты бела,
опаленная летней грозью.
Ты была для меня,
ты была
первым чувством
и первой слезою.

Твою щедрую даль
полюбя,
я работал от полдня
до полдня.
Я пришел по весне,
и тебя,
словно женщину,
на руки поднял.
Я дышу
ароматом земли,
восхищаюсь
берез белизною.
Я смеюсь,
я пою о любви,
опьянный ее новизною.
Здравствуй, молодость,
сила и страсть!
Здравствуй, ветер
тревожного века,
и мятежная
гордая вера
в молодую
Советскую власть!
Вот зачем я сегодня пою,
принимаю
и благословляю,
удивляюсь
и прославляю
каждодневную доблесть твою!

ДОРОГА

Дорога
уходит
в далекий район.
Сопутствует людям
доверье.
Летающей машине
несутся в обгон
деревья,
деревья,
деревья!
Подпрыгивают
и приседают кусты,
березы,
березы,
березы...
Их к солнцу повернутые
листы
от пыли
седы и белесы.
В далекий поселок
влетает гроза,
неистойвой,
неуловимой,
ревущей над степью,
плывущей в глаза
срывающейся лавиной.
Поселок затерян
в зеленой листве,
вьюнами опутаны
вазы.

Качаются
с липами в близком родстве
старинные
русские вязы.
Я вырос в степи –
неприкаянной,
злой,
где жаркому солнцу
не рады.
Я знаю, что значит
в отчаянный зной
зеленый кусочек
прохлады.
О, дождик веселый,
над степью кипи!
Сопутствует людям
удача.
Ведь вырастить дерево
в голой степи –
совсем
не простая
задача.

ГРОЗА НОЧЬЮ

Когда по небу ходят молнии,
деревья кажутся лиловыми,
а щеки, милые и мокрые,
становятся эмалированными.

Как будто наволочку в прачечной,
березку кружит и бросает.
А ты стоишь в сирени плачущей,
смеющаяся и босая!

Когда по небу ходят молнии,
рождаются женщины красивые,
и возникают песни вольные,
и умирают люди сильные.

Когда по небу ходят возгласы,
земля наполнена стихами,
а мы летим с тобой по воздуху,
и грудь – на полное дыханье!

Но как торопко ты померкла,
сирень в блестящем целлофане!
О, эта робкая примерка
двух губ при первом целованье!

Корабль уходит в море,
Корабль уходит в море,
Корабль уходит в море,
Далёко-далёко...

А море уходит в небо,
А море уходит в небо,
А море уходит в небо,
Высоко-высоко...

А небо уходит к звездам,
А небо уходит к звездам,

А небо уходит к звездам,
Зеленым и синим.

А звезды уходят в вечность,
А звезды уходят в вечность,
А звезды уходят в вечность,
Бесстрастно, безмерно.

А вечность нисходит к людям,
А вечность нисходит к людям,
А вечность нисходит к людям,
Великим и малым.

А люди уходят в море,
А люди уходят в море,
А люди уходят в море,
А люди уходят...

* * *

Эти гордые чуткие плечи
опускаются скорбно, когда
ты мне тихо и горестно шепчешь:
– Не любил ты меня никогда...

Ничего, что живу нелюдимой,
что на сердце печаль – не беда.
Об одном я горюю, любимый, –
не любил ты меня никогда...

Море беды минувшие лечит,
но и горькая эта вода,
словно женщина милая, шепчет:
– Не любил... не любил никогда.

* * *

Пусть забудется имя мое –
лишь бы песня жила, не забылась.
Лишь бы сердце в ответ на нее
от задумчивой боли забилось.

Пусть забудется песня моя
чутким сном на исходе рассвета,
как негромкая трель соловья
на исходе холодного лета.

Лишь бы только мерцание звезд
небосвод полуночный венчало,
лишь бы плакал смеющийся дрозд,
лишь бы сердце любимой звучало.

Лишь бы юно и вечно жила
моя светлая щедрая родина,
лишь бы чисто и звонко цвела
высотой укрытая рощица.

Лишь бы тихо под сводом зари –
опьяняя седые дубравы,
колыхались весенние травы
возле самого сердца Земли...